

Oleg D. Rustemov,
Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Russian Phylology of the Crimean Engineering
and Pedagogical University; Simferopol, Ukraine;
e-mail: biblos@ukr.net; tel.: +38-099-736-82-73

TURKISMS GENESIS AND CLASSIFICATION PROBLEM IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary. The article reviews the main problems of studying Turkic borrowings in the Russian language, questions of their etymology, recognition and classification. It considers the classification problem of Turkisms that were brought into Russian with other, non-Turkic languages, and of foreign borrowings introduced by the Turkic language and due to that having got a new semantic meaning. The author analyses the words that have never before been identified as Turkisms in Russian or Ukrainian linguistics. As a source of such borrowings with an eye to their description foreign dictionaries can be used as well as the works proving penetration of Turkic stems into other languages (for instance, Persian) in case the similar or close meaning is characteristic of such stems in Russian.

Key words: contactology, typological classification, semantic tracing, Turkism, Arabism, contacteme.

Статью получено 17.09.2013 г.

УДК 811.161.1'38

ПОПОВ Сергей Леонидович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; Харьков, Украина;
e-mail: sl_porov@mail.ru; тел.: +38(057)720-42-73; моб.: +38-050-195-98-66

ВОЗМОЖНОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АТРИБУТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ С ВНЕ-/НЕ- И ДВУ-/ДВУХ-: СЕМАНТИКО-АРГУМЕНТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются два не вполне исследованных явления русской словообразовательной вариантности. Речь идёт о двух типах вариантов прилагательных, каждый из которых объединяет достаточно смешиваемые факты. Первый представляет собой варианты с приставками *вне-/не-*. Второй — варианты с усечённой / неусечённой формами родительного падежа числительного *два* в качестве первой, уточняющей основы. Констатируется, что вопросам словообразовательной вариантности, в отличие от фактов вариантности морфологической и синтаксической, ортологами уделяется мало внимания. Для формирования методики дифференциации исследуемых словообразовательных вариантов привлекаются понятия степеней восприятия и основные положения теории аргументации. Проверяется достоверность традиционных аргументов, дифференцирующих употребление рассматриваемых вариантов. Используются понятия эксплицитного и имплицитного контекстов. Такие контексты позволяют представить семантические дифференциальные признаки исследуемых словообразовательных вариантов соответственно как дедуктивно доказательные и индуктивно допустимые. Применяются аргумент прямой эмпирической верификации контекстных маркеров определенной семантики в эксплицитных контекстах и аргумент логического обоснования их семантической дифференциации.

Ключевые слова: ортология, грамматическая вариантность, семантика, эксплицитность / имплицитность, аргументация.

Явления русской языковой вариантности — в особенности грамматической — своей неопределенностью привлекают внимание языковедов с середины XVIII века. Описания различий между грамматическими вариантами предпринимаются в грамматиках В. Е. Адоурова, М. В. Ломоносова, А. А. Барсова, Ф. И. Буслаева, в работах «Справочное место русского слова» А. Н. Греча, «Правильность и чистота русской речи» В. И. Чернышева, «Русском синтаксисе...» А. М. Пешковского, «Синтаксисе» А. А. Шахматова и других трудах вплоть до середины XX века, когда началось массовое исследование языковой вариантности, заявила о себе новая дисциплина — ортология [1], появились разноаспектные ортологические словари и расцвел такой восходящий к работам В. И. Чернышева ортожанр, как практическая стилистика русского языка, реализованный в соответствующих стилистических А. Н. Гвоздева, Д. Э. Розенталя, Г. Я. Солганика, И. Б. Голуб, Ю. А. Бельчикова.

В указанных работах много внимания уделялось лексической, морфологической и синтаксической вариантности и почти не упоминалась вариантность словообразовательная. Лишь Д. Э. Розенталь в своей известной «Практической стилистике русского языка», в небольшом трехстраничном разделе, названном «Стилистические ресурсы словообразования», посредством некоторого количества примеров обратил внимание на необходимость изучения словообразовательной вариантности [7, с. 86–88], но в появившихся затем практических стилистических русского языка, по сути продолживших дело Д. Э. Розенталя, словообразовательная вариантность отсутствует.

Ученым, предпринявшим серьезную попытку показать и проанализировать основные типы вариантов русского словообразования, является Лия Павловна Катлинская, соавтор известного и уникального в своем роде труда «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов» [4] (первое издание — 1976 г.), где ею написан раздел «Словообразование». Труд Л. П. Катлинской был для своего времени титаническим, но не все различия словообразовательных вариантов полу-

чили описание. Именно в этом разделе словаря, в специальном подразделе, посвященном описанию атрибутивных образований, представлены, но без возможного и необходимого описания различий, варианты двух типов: *внештатный* — *нештатный* и *двусторонний* — *двухсторонний*, то есть варианты прилагательных с префиксами *вне-/не-* и сложных прилагательных с усеченной/неусеченной формами родительного падежа числительного *два* в качестве первой, уточняющей основы [Там же, с. 433, 435–438]. Семантико-аргументационная дифференциация двух этих типов прилагательных и является целью настоящей статьи (исходим из первичности семантических различий по отношению стилистическим [8, с. 423; 3, с. 85]).

Ставится задача рассмотреть указанные варианты в следующем порядке.

Вначале проверяется достоверность традиционных (отраженных в [4, с. 433, 435–438]) аргументов, при помощи которых объясняется употребление изучаемых в настоящей статье вариантов. При необходимости (см. ниже «противоречия») традиционные аргументы опровергаются или уточняются аргументами более достоверными.

Согласно теории аргументации [5, с. 22–28, 51–57], в гносеологическом отношении наиболее достоверными аргументами являются: из эмпирических — прямая эмпирическая верификация (ПЭВ), из теоретических — логическое обоснование (ЛО). Совмещение этих аргументов — идеал аргументации.

ПЭВ семантических характеристик исследуемых вариантов возможна при наличии в контексте маркеров (в примерах подчеркиваются) той или иной семантики, коррелирующей с семантикой исследуемых вариантов: маркер определенной семантики считается таковым, если он встречается только при одном из двух изучаемых вариантов.

Контекст, содержащий такие маркеры, корректно называть эксплицитным, а контекст, таких маркеров не содержащий, — имплицитным. В эксплицитных контекстах демонстрируются дедуктивно доказательные, а в имплицитных (при необходимости в них) индуктивно допускаемые примеры определенной семантики. Такая индуктивная допустимость поддерживается отсутствием других признаков, по которым дифференцируются рассматриваемые варианты.

ЛО, представляющее собой любой из описанных Аристотелем и после него видов силлогизма, всегда безупречно автоматически. Логический сбой в рассуждении — явление крайне редкое. Гораздо больше гносеологических проблем создает так называемая «ложность посылки», хорошо известная древнегреческим софистам, намеренно применявшим такую подмену ради весьма логичного убеждения собеседника в чем угодно [5, с. 10].

Ложная посылка, помещаемая в основание силлогизма, действительно никак не влияет на силлогистический процесс выведения истины. Например, если человек видит, как солнце каждое утро появляется из-за восточного горизонта, а вечером скрывается за западным горизонтом, то логичным будет вывод человека о том, что солнце каждое утро *восходит, постепенно поднимается, достигает зенита, постепенно опускается вниз и садится* (а не Земля вращается вокруг своей оси). Такая картина мира, как известно, называется наивной. Однако она ничем принципиально не отличается от научной картины мира, не столь уж редко создаваемой учеными. Так, некоторые лингвисты исходят из посылки, что сохранение/несохранение в языке двух в чем-то сходных единиц зависит от их частотности, и логично выводят, что раз одна из них частотнее второй, то вторая постепенно выходит из употребления. Ложность этой посылки очевидна: коммуникативная потребность в нечастотной единице не исчезает, если эта единица имеет востребованное отличие. Итоговая логичность такого силлогизма «теряет в репутации»: ложность посылки лишает логичность абсолютности. Следовательно, можно говорить об абсолютной и относительной логичности мышления, то есть о ее качестве.

Согласно данным когнитивной психологии, качество логичности мышления непосредственно зависит от качества восприятия, в котором можно выделить три степени: 1) синкретичное восприятие (СВ), то есть восприятие целостное; 2) поверхностное восприятие (ПВ), то есть восприятие лишь одного из находящихся в зоне восприятия признаков; 3) альтернативное восприятие (АВ), то есть восприятие всех находящихся в зоне восприятия признаков в одной из двух его разновидностей: это альтернативно-императивное восприятие (АИВ), императивно отвергающее один признак в пользу другого, и альтернативно-диспозитивное восприятие (АДВ), альтернативно принимающее признаки как закономерно сосуществующие (подробнее об изложенном в настоящем абзаце — см. [6, с. 5–105]).

ПЭВ, опирающаяся на данные СВ, в ортологии, по статусу занимающейся дифференциацией вариантов, — явление маловероятное настолько, что в данном случае мы считаем возможным от него абстрагироваться.

ПЭВ, опирающаяся на данные ПВ, — ПЭВ(ПВ) — обуславливает относительность ЛО (ОЛО).

ПЭВ, опирающаяся на данные АИВ или АДВ, — ПЭВ(АИВ) или ПЭВ(АДВ) — обуславливает абсолютность ЛО (АЛО).

В ортологии встречается также ПЭВ(АИВ) или ПЭВ(АДВ), которая ЛО не сопровождается, представляя собой описание без объяснения.

Все рассматриваемые ниже примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). По причине относительной ограниченности объема статьи семантика каждого варианта подтверждается лишь двумя примерами-предложениями с указанием их источников в виде, представленном в НКРЯ, и, при отсутствии потребности в широком контексте, не менее чем двумя примерами-словосочетаниями из НКРЯ.

При возникновении необходимости в дополнительном комментарии даются «примечания».

Рассмотрение семантики двух указанных типов атрибутивных образований с применением продемонстрированного выше понятийного аппарата имеют следующий вид.

I. Семантико-аргументационная дифференциация прилагательных с приставками *вне-/не-*

Традиционный аргумент-1 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: варианты прилагательных с префиксами *вне-* и *не-* имеют значение «осуществляемый или находящийся за пределами того, что названо мотивирующим словом» и потому различаются стилистически: варианты с *вне-* употребляются в письменной канцелярской и терминологической сферах речи; вариант с *не-* — «преимущественно в разговорной» [4, с. 453].

Противоречие-1: лишь один из этих вариантов прилагательных, а именно вариант с *вне-*, имеет указанное значение; вариант с *не-* имеет другое значение.

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(ПВ)иОЛО и ПЭВ(АДВ)безЛО: «Регулярным является образование прилагательных указанного значения с приставкой *вне-*; однокоренные с ними образования с приставкой *не-* имеют другое значение: *внегородской* (конкурс) — *негородской*, *вневойсковой* (подготовка) — *невойсковой*...» [Там же].

Противоречие-2: признание «другого значения» у прилагательных с *не-* противоречит признанию одного и того же значения у прилагательных с *вне-* и *не-* (см. традиционный аргумент-1, а также сочетание «указанного значения», то есть одного значения, в приведенной цитате).

Противоречие-3: варианты с *не-* действительно имеют другое значение, но не указано, какое именно «другое значение» они имеют.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): варианты с префиксом *вне-* имеют значение «выходящий за пределы чего-либо», а варианты с префиксом *не-* являются выразителями классического кванторного отрицания «не-1» [2] и потому выражают значение «не имеющий отношения к чему-либо».

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики выхода за пределы чего-либо:

И все же, проработав полтора года в команде Собчака, Медведев предпочел перейти в режим внештатного сотрудничества и вернулся на кафедру... [коллективный. Медведевская хватка // «Русский репортер», № 18 (18), 4–11 октября 2007, 2007]. Маркер представляет собой информацию о том, что Медведев работал в команде Собчака, в сопоставлении с которой становится ясно, что затем Медведев вышел за пределы этой команды.

...ему нужна консультация по бухгалтерской отчетности, услуга может быть выполнена во внеурочное от банковских обязанностей время. [Валериян Скворцов. Сингапурский квартет (2001)]. Маркер позволяет понять, что речь идет о времени, выходящем за пределы времени исполнения банковских обязанностей.

Дедуктивно доказательные примеры семантики отсутствия отношения к чему-либо:

Ситуация выглядит настолько нештатной, что найти безоговорочное её разрешение в многостраничных талмудах регламентов турнира и футбольных правил невозможно. [Андрей Левых. Беккенбауэр снова забивает России. УЕФА назначает переигровку матча «Тироль» -- «Локомотив» (2001) // «Известия», 2001.08.24]. Маркер позволяет понять, что сложившаяся ситуация не имеет никакого отношения к тому, что написано в регламентах и правилах.

Домой шли долго, перекапывал редкий теплый дождик, пахло пылью и тополиными листиками, неурочное время для отпуска, начало мая, самое томительное время. [Людмила Петрушевская. Найди меня, сон (1998–1999)]. Маркер представляет собой слишком абстрактную информацию, чтобы ее можно было счесть имеющей временные пределы: разные люди могут предпочесть отпуск в разное время года. Следовательно, можно говорить лишь о том, что описываемый период никакого отношения к отпуску не имеет.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры семантики выхода за пределы чего-либо:

Я обошел все талмидские редакции. Договорился о внештатной работе. Взял интервью у какого-то слесаря. [Сергей Довлатов. Компромисс (1981–1984)]. Допущение: речь идет о работе, выполняемой работником, не входящим в редакционный штат.

Потом уехали на заседание Политбюро, которое неожиданно и во внеурочное время собралось в субботу. [Олег Гриневский. Восток -- дело тонкое (1998)]. Допущение: речь идет о заседании, время проведения которого не вписалось в принятое время проведения таких заседаний.

Индуктивно допускаемые примеры семантики отсутствия отношения к чему-либо:

А человек только радирует: я жив и, если надо, справлюсь с любой нештатной ситуацией. [Сергей Солоух. Одна любовь, один проект // «Октябрь», 2003]. Допущение: все ситуации предусмотреть невозможно, поэтому речь идет о любой ситуации, не имеющей отношения к представляемому.

Строили его на артельных началах в неурочное время, из бросовых материалов. [В. К. Кетлинская. Мужество (1934–1938)]. Допущение: речь идет о времени, не предусмотренном для строительства, но в то же время не предусмотренном и для чего-то другого, имеющего конкретный характер, а следовательно, имеющего пределы.

Примечание. Семантические характеристики выхода за пределы чего-либо и отсутствия отношения к чему-либо могут показаться похожими лишь при первом, поверхностном, восприятии (ПВ), при котором создается впечатление, что, например, *нештатный*, как и *внештатный*, означает «выходящий за пределы штата, или, что то же, не входящий в состав штата». Более глубокое, альтернативно-диспозитивное, восприятие (АДВ) этих вариантов позволяет заметить, что вариант *нештатный* не

имеет семантики вхождения или невхождения в пределы чего-либо: «вне» может быть только то, что бывает и «в», то есть «пребывание в» является презумпцией семантики *вне* (и наоборот), в то время как семантика *не-1* имеет презумпцию кванторного существования «нечто просто есть, не более того». Вариант *нештатный*, в отличие от варианта *внештатный*, безразличен к семантике вхождения или невхождения в пределы чего-либо, поскольку обычным кванторным способом отрицает штатность, никак не увязывая это отрицание с пределами штата.

II. Семантико-аргументационная дифференциация сложных прилагательных с усеченной/неусеченной формами родительного падежа числительного *два* в качестве первой, уточняющей основы
Традиционный аргумент — ПЭВ(АДВ)безЛО: в одном сочетании оба варианта встречаться не могут, например *двустороннее воспаление легких*, но *двухсторонние переговоры*, а в таких сочетаниях, как *двустороннее воспаление легких* и *двубортный пиджак*, основа *дву-* не имеет свойств числительного, поскольку невозможны сочетания *трех(четырех-* и т. д.)*бортный пиджак* и *трех(четырех-* и т. д.)*стороннее воспаление легких* [4, с. 435–438].

Противоречие: результаты этих точных наблюдений не объяснены действием силлогизма, до выведения которого остается только один шаг.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): варианты с *дву-* употребляются в случаях, когда речь идет не более чем о двух сущностях; варианты с *двух-* — в случаях, когда сущностей может быть больше двух (эта неусеченная форма косвенного падежа логично подходит для обозначения явления, на равных входящего в парадигму форм родительного падежа числительных, ср.: *двух, трех, четырех*).

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики «потенциально не больше двух»:

Двухспальная кровать, двусоставное предложение, двуликий Янус, двустворчатые двери. Маркеры позволяют убедиться в том, что по меньшей мере кровать трехспальной, предложение трехсоставным, Янус трехликим и двери трехстворчатыми — быть не могут.

Дедуктивно доказательные примеры семантики «потенциально больше двух»:

Двухэтажный дом, двухсторонний камин, двухкопеечная монета, двухчасовой перерыв. Маркеры позволяют убедиться в том, что дом может иметь больше двух этажей, камин — больше двух сторон, монета может быть достоинством больше чем в две копейки, а перерыв — продолжительностью больше двух часов.

Примечание-1. Поскольку две эти противоположные семантические характеристики могут актуализироваться только в сочетаниях с существительными, имплицитных контекстов здесь быть не может.

Примечание-2. Тот факт, что вариантность обнаружилась только у основ, являющихся застывшим Р. п. числительного *два*, можно объяснить гносеологической важностью числительного *два*, восходящей к тем временам, когда имевший две (как $1 + 1$) руки, ноги, ноздри, два глаза, уха и т. д. человек довольствовался системой счета «*один, два* и неопределенное *много*», что отразилось, например, в системе трех грамматических чисел: единственного, двойственного и множественного (о подобных явлениях см. также [6, с. 69–71]).

Проведенное семантико-аргументационное исследование показало, что в каждом из двух рассмотренных типов вариантов имеется достаточно ясное, но в первом случае ранее не выявленное совсем, а во втором — не выявленное до конца, семантическое различие.

Очевидно, протемонстрированный алгоритм исследования может быть применен при изучении других межвариантных различий.

Литература

1. Ахманова О. С. К вопросу о «правильности» речи / О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский // Вопросы языкознания. — 1960. — № 2. — С. 35–42.
2. Богуславский И. М. Отрицание и противопоставление / И. М. Богуславский // Проблемы структурной лингвистики 1980. — М.: Наука, 1982. — С. 63–76.
3. Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Л. К. Граудина. — М.: Наука, 1980. — 288 с.
4. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 2001. — 557 с.
5. Ивин А. А. Теория аргументации: учеб. пособие / А. А. Ивин. — М.: Высш. шк., 2007. — 319 с.
6. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: монография / С. Л. Попов. — Харьков: НТМТ, 2013. — 150 с.
7. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. — 4-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 1977. — 316 с.
8. Шмелёв Д. Н. Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка / Д. Н. Шмелёв // Известия АН СССР, Отделение литературы и языка. — 1962. — Т. XXI, вып. 5. — С. 421–432.

References

1. Akhmanova O. S. K voprosu o «pravilnosti» rechi / O. S. Akhmanova, Yu. A. Belchikov, V. V. Veselitskiy // Voprosy yazykoznanija. — 1960. — № 2. — S. 35–42.
2. Boguslavskiy I. M. Otritsanie i protivopostavlenie / I. M. Boguslavskiy // Problemy strukturnoy lingvistiki 1980. — M.: Nauka, 1982. — S. 63–76.
3. Graudina L. K. Voprosy normalizatsii russkogo yazyka. Grammatika i varianty / L. K. Graudina. — M.: Nauka, 1980. — 288 s.
4. Graudina L. K. Grammaticheskaya pravilnost russkoy rechi. Stilisticheskij slovar' variantov / L. K. Graudina, V. A. Itskovich, L. P. Katlinskaya. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Nauka, 2001. — 557 s.

5. *Ivin A. A. Teoriya argumentatsii: ucheb. posobie / A. A. Ivin. — M.: Vyssh. shkola, 2007. — 319 s.*
6. *Popov S. L. Kognitivnye osnovaniya evolyutsii form russkogo sintaksicheskogo soglasovaniya: monografiya / S. L. Popov. — Khar'kov: NTMT, 2013. — 150 s.*
7. *Rozental' D. E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka / D. E. Rozental'. — 4-e izd., ispr. — M.: Vyssh. shkola, 1977. — 316 s.*
8. *Shmelev D. N. Nekotorye voprosy razvitiya i normalizatsii sovremennogo russkogo yazyka / D. N. Shmelev // Izvestiya AN SSSR, Otdelenie literatury i yazyka. — 1962. — T. XXI, vyp. 5. — S. 421–432.*

Попов Сергій Леонідович,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови філологічного факультету Харківського національного університету ім. В. М. Каразіна; Харків, Україна;
e-mail: sl_popov@mail.ru; тел.: +38(057)720-42-73; моб.: +38-050-195-98-66

МОЖЛИВОСТІ ДИФЕРЕНЦІАЦІЇ АТРИБУТИВНИХ УТВОРЕНЬ З *ВНЕ-/НЕ-* ТА *ДВУ-/ДВУХ-*: СЕМАНТИКО-АРГУМЕНТАЦІЙНИЙ АСПЕКТ

Анотація. У статті розглядаються два не повною мірою досліджених явища російської словотвірної варіантності. Мова йде про два типи варіантності прикметників, кожен з яких об'єднує достатньо змішувані факти. Перший являє собою варіанти з префіксами *вне-/не-*. Другий — варіанти із скороченою / нескороченою формами родового відмінка числівника *два* як першої, уточнюючої основи. Констатується, що питанням словотвірної варіантності, на відміну від фактів варіантності морфологічної та синтаксичної, ортологами приділяється мало уваги. Для формування методики диференціації досліджуваних словотвірних варіантів долучаються поняття ступенів сприйняття й основні положення теорії аргументації. У дослідженні перевірено достовірність традиційних аргументів, які диференціюють вживання таких варіантів. Використано поняття експліцитного й імпліцитного контекстів. Ці контексти дозволяють презентувати семантичні диференційні ознаки досліджуваних словотвірних варіантів відповідно як такі, що дедуктивно доводяться й індуктивно допускаються. Застосовано аргументи прямої емпіричної верифікації контекстних маркерів певної семантики в експліцитних контекстах і аргумент логічного обґрунтування їх семантичної диференціації.

Ключові слова: ортологія, граматична варіантність, семантика, експліцитність / імпліцитність, аргументація.

Sergey L. Popov,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Russian Language Department, V. N. Karazin Kharkiv National University; Kharkov, Ukraine;
e-mail: sl_popov@mail.ru; tel.: +38(057)720-42-73; моб.: +38-050-195-98-66

POSSIBILITIES OF DIFFERENTIATING ATTRIBUTIVE FORMATIONS WITH *ВНЕ-/НЕ-* AND *ДВУ-/ДВУХ-*: SEMANTIC-ARGUMENTATIVE ASPECT

Summary. The article surveys two phenomena of Russian word-formative variability which have not been fully researched yet. What it involves is two types of adjectival variants, and each one presents quite confusing facts. The first type covers the variants with the prefixes *вне-/не-*. The second type covers the variants with the truncated/nontruncated genitive forms of the numeral *два* as the first, qualifying base. It is stated that unlike facts of morphological and syntactic variability, the issues of word-formative variability receive little attention of orthologists. To develop methodology for differentiation between the examined word-formative variants, perception degree concepts, as well as the basic framework of argumentation theory are involved. The validity of traditional arguments, differentiating the use of the examined variants is checked. Concepts of explicit and implicit context are used. Such contexts allow us to present semantic distinctive features of the examined word-formative variants consequently as deductively demonstrable and inductively acceptable. An argument of direct empirical verification of context tokens with a certain meaning in explicit contexts, as well as an argument of logical reasoning for their semantic differentiation are applied.

Key words: orthology, grammatical variance, semantics, explicitness/implicitness, argumentation.

Статтю отримано 25.09.2013 р.